ЛЕВЫЕ НА ЗАПАДЕ

История болезни и нынешнее состояние.

www.sonar2050.org
expert@sonar2050.org
«Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза "Союзный нарратив 2050"»

www.sonar2050.org

Автор доклада – экономист, писатель, Колташов Василий Георгиевич. Тел.: +7-967-217-01-34. E-mail: koltashov@gmail.com. Страница автора: https://www.sonar2050.org/authors/vasiliykotlashov/

Шеф-редактор — Уралов Семён Сергеевич. Тел.: +7-916-215-72-02. E-mail: uralov@sonar2050.org

Глава аналитического бюро — Лизан Иван Юрьевич. Тел.: +7-999-714-12-40. E-mail: lizan@sonar2050.org

«Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза "Союзный нарратив 2050"»

Адрес: Российская Федерация, 143180, Московская область, г. Звенигород, мкр. Пронина, д. 2, офис 12

Директор — Боков Василий Сергеевич. Тел.: +7-916-120-07-08. E-mail: vb@sonar2050.org

Telegram: sonar2050

YouTube: sonar2050.org

Оглавление

Введение 4
«Общество потребления» как триумф XX в. 4
Что же произошло? 5
1968 г. Была ли мировая революция? 7
«Левый эксперимент» и его последствия 10
Бессилие антиглобализма 12
США, Франция и Греция разочаровываются в левых 15
На службе неолиберальной реакции? 18
Заключение с надеждой на вывод 21

Введение

Западные левые ныне пребывают в беспрецедентном кризисе. Движение к нему было долгим, и на протяжении части пути это было движение «от победы к победе». Вот только победы эти одерживали прежде всего широкие массы. По мере того как проводились удачные социально-экономические реформы, менялся и социум. С установлением «общества потребления» государства ядра глобальной системы пережили материальный расцвет, который породил первую волну мутации левых. Болезнь усугубилась с приходом неолиберальной «постиндустриальной экономики», когда Запад начал терять промышленное превосходство. Глобальный кризис 2008–2020 гг. породил качественно новую ситуацию. Выдохся ли в результате антиглобализм? Как повели себя формально левые партии и не скатились ли к предательству самые яркие вожди? В каком виде вступают левые в новую историческую эпоху и чем это обусловлено?

«Общество потребления» как триумф XX века

В XX в. левые силы и идеи пережили невиданный взлёт популярности и столь же сильное падение. Оно было результатом успеха дела рабочего класса, а не плодом ошибок, случайного стечения обстоятельств, предательства вождей или мутации партий. Под конец века, стремясь объяснить случившееся, аналитики и политики выдвигали разные версии. Самой популярной из них остаётся версия о крахе СССР как ключевом факторе упадка левых сил в мире и особенно в странах Запада — старом ядре глобального капитализма. Но всё было не так просто. На Западе шли собственные процессы, которые определяли перемены.

Безработные готовятся отправиться в Соединённые Штаты, начало XX в.

В начале XX в. массы наёмных работников в Северной Америке и Западной Европе были крайне бедны относительно современного положения.

Множество людей трудилось в промышленности или сельском хозяйстве, где в конце XX в. их место во многом заняли иностранные рабочие — зачастую «безбумажники», то есть не имеющие документов, а часто и почти неграмотные. Но за сто лет до этого национальные рынки труда были в основном замкнутыми: во Франции рабочий класс состоял в основном из французов, в Германии — из немцев, в Англии — из англичан и ирландцев (два рабочих класса по Фридриху Энгельсу). Италия, Австро-Венгрия, Россия, скандинавские и иные страны имели столько «лишнего пролетариата», что выталкивали его в Америку. Там «плавильный котёл» создавал для левых и профсоюзов много проблем. Рабочие разных национальностей плохо находили общий язык.

Но там, где возникли и развивались национальные государства, положение было иным: там быстрее и легче формировались левые партии и профсоюзы. Самой развитой политической организацией были социал-демократы. Позднее они полностью перешли на реформистские позиции. Более радикальными в этом деле стали социалисты, а совсем революционными — коммунисты. Анархисты не создали никаких устойчивых

(партийных по конструкции) структур, не считая профсоюзных организаций, в которых они и их идеи доминировали.

«Рабочие! Голосуйте за вашу Социал-демократическую партию» — немецкий плакат 1924 г., иллюстрирующий на какие массы опирались классические левые

Ещё в XIX в. сложились принципы процедурной партийной демократии. В левых партиях происходили не только собрания, но и выборы делегатов съездов и комитетов. Формировались, отчитывались и контролировались специальными комиссиями коллегиальные органы. Это не была номенклатура в советском её смысле, но аппарат формировался и пополнялся как выходцами из рабочей массы, так и (ещё более) из бедной интеллигенции. При этом рабочие в массе были заперты в своём классе. Выбраться из него в материальном и социальном смысле было нереально. Даже Карл Маркс не увидел смысла в бесплатном высшем образовании как лозунге социал-демократов Германии, о чём он и написал в «Критике готской программы» (1875). Разве рабочие могли рассчитывать получить такое образование и подняться в ряды образованных слоёв, а может быть и собственников? Пусть буржуазия сама платит за колледж для своих детей! Должна была произойти новая революция в технологиях, чтобы такая возможность появилась. Но массы ждали в начале XX в. не её.

Что же произошло?

Период 1900–1950 гг. можно назвать революционным на Западе. Это было время отнюдь не стремительного роста благополучия трудящихся; новые возможности открывались ценой тяжёлой борьбы и не без помощи страха элиты перед угрозой повторения советского сценария. Своеобразной попыткой ухода от социальной проблемы стал для некоторых стран фашизм: массам предлагался путь включения в обеспеченные классы посредством военной экспансии — передела мира. К 1946 г. фашизм выгорел дотла и оставил после себя море разочарования. Но и «советский путь» не притягивал своим аскетизмом. Всё это и привело к полному торжеству реформистских идей на Западе. Причём в Англии к власти пришли лейбористы — партия, возникшая из профсоюзов. Во Франции и Германии у руля тоже оказались сторонники социальных реформ.

В обстановке большого экономического кризиса 1948–1954 гг. начался общий поворот от послевоенной нестабильности к послевоенному экономическому росту. Он не был глобальным, а касался прежде всего государств с развитой индустрией, тех, что к началу XXI в. называли «странами с развитой рыночной экономикой». В период кризиса они пережили болезненные девальвации. Влияние левых партий, особенно коммунистов во Франции и Италии, было очень велико. США стремились в этой обстановке решить две задачи: ослабить «красную угрозу» внутри важнейших стран, включая и себя, и одновременно получить более стабильную экономическую ситуацию в ядре капитализма. А за спиной политиков стоял призрак Великой депрессии 1929–1933 гг.

Поэтому в США развернулась антикоммунистическая кампания во главе с ранее малоизвестным сенатором Джозефом Маккарти. Охота на ведьм под его началом продолжалась до 1957 г. Впрочем, не она определила кризис коммунистов в США, а их собственные ошибки. Компартия США не поддерживала Франклина Делано Рузвельта во время избирательной кампании 1932 г., проходившей в разгар Великой депрессии — большого кризиса 1929–1933 гг. На выборах 1936 г. они снова выдвигали своего кандидата (им был Эрл Расселл Браудер) вместо того, чтобы поддержать «Новый курс» Рузвельта и его самого — кандидата от Демократической партии.

Такую же ошибку допустили в реформистской Социалистической партии США, выдвинув в противовес Рузвельту своего кандидата. Это был критик «советского эксперимента» Томас Норман.

Между тем американцы всё более одобряли меры команды Рузвельта по борьбе с экономическим кризисом и его социальными последствиями. Общество и рабочие массы вставали на путь реформизма. В 1950-е годы этот курс уже был закреплён в пределах всех старых индустриальных экономик Запада.

Президент Рузвельт и представители рабочего класса в разных поколениях.

В обстановке 1950-х гг. допущенные ранее радикальными левыми ошибки позволили выбить их из большой политики в США. В Западной Европе и Японии добиться этого Вашингтон не смог, но было достаточно и того, что общество (состоявшее в большинстве из наемных работников) было готово двигаться по пути социальных реформ и роста материального благополучия, а не восставать против капитализма как такового. Для максималистски настроенных левых это не всегда был приятный сюрприз. Однако популярность левых партий в Европе, Англии и Японии была велика не случайно. Они были проводниками новой политики реформ, и её пришествие не было признаком кризиса левых вообще.

В обстановке 1950–1960-х гг. в странах ядра мировой системы левые как массовое течение всё более уходили в реформизм, тогда как на периферии капитализма, в колониях или формально независимых странах, всё было иначе. Там взахлёб читали брошюру Эрнесто Че Гевары «Партизанская война», восхищались опытом Фиделя Кастро и его товарищей-барбудос и искали способ произвести столь же решительную освободительную революцию. Тем временем в США левую повестку оседлала Демократическая партия, хотя республиканцы тоже сдвинулись влево. А президент-демократ Линдон Бэйнс Джонсон (1963–1969 гг.) даже объявил войну бедности, хотя она и так стремительно отступала.

Отступала бедность и в Японии, и в Англии, и в Западной Европе. Представители рабочих профессий пополняли ряды «среднего класса», всё более ощущая новую реальность — реальность «общества потребления». Два крупных экономических кризиса подтолкнули к его формированию. Кризис 1929–1933 гг. сделал это в США, державе без обширной колониальной империи, но с огромным внутренним рынком. Выяснилось, что рабочий класс является основным покупателем и без спроса с его стороны (подорванного кризисом) экономика не может ожить. Франция и Англия имели огромные колонии и старались заставить платить за кризис их производителей и обитателей.

Послевоенный кризис 1948–1954 гг. в зоне центра капитализма повлиял на социально-экономическую политику ещё больше. «Общество потребления» начало свою историю на выходе из него. С какими бы трудностями это ни было связано, это был триумф левых и широких слоёв общества. После реформ капитализм Запада, а точнее образ жизни средних слоёв в новых условиях, стал вызывать столь сильную зависть советского человека.

1968 г. Была ли мировая революция?

1968 г. запомнился гражданам стран Варшавского договора вводом советских войск в Чехословакию. Для остального мира, возможно, куда более важными были события во Франции — её студенческий «красный май». События же 1968 г. и ряда последующих лет на планете принято называть революций 1968 г. Действительно, множество стран переживало в этот период обострение борьбы различных сил, активное включение в общественную жизнь под радикальными левыми лозунгами молодого поколения. Причём студенты в странах западных либеральных демократий, где были сильными левые партии или проводилась прогрессивная политика, выражали протест старшему поколению.

«Общество потребления» — вот что подвергалось критике «революционеров». Они возмущались поведением своих отцов и матерей, готовых ради уютной квартиры с недорогой мебелью, автомобиля, холодильника и телевизора предать идеалы полного освобождения личности. Лозунг парижских студентов 1968 г. «Будьте реалистами, требуйте невозможного!» клеймил прежде всего реализм старшего поколения, а вернее реформизм его партий. Советский обыватель едва ли мог понять это возмущение. Едва ли оно было понятно жителям бедных стран Латинской Америки, Африки или Юго-Восточной Азии. Всё это не было близко даже небогатым и живущим при правых диктатурах испанцам, грекам и португальцам. Зато сами «революционеры» во Франции, в ФРГ, Англии, Италии, США и Канаде понимали идеалы аскетичного маоизма.

Студенческая демонстрация, Париж, 1968 г.

Или это им только казалось? Или всё это только казалось революцией?

Идеолог студенческого антикапитализма, философ Герберт Маркузе позднее отмежёвывался от «революционеров». Он говорил, что это движение взяло его идеи, а сам он никогда не обманывался на его счёт и просто делал своё дело как мыслитель. А мысли его привели к рождению формулы «одномерный человек», то есть человек экономический, живущий в одной плоскости. Подобные мысли высказывал и психоаналитик Эрих Фромм. Задолго до событий 1968 г. он констатировал болезненное психическое состояние западного общества, при этом указывая на его невиданное материальное процветание.

«Папа и мама, у вас ложные ценности!», зарождение конфликта поколений

Бунты 1968 г. не были направлены против экономического процветания. Не были они нацелены и на привнесение маоизма на почву государств с уже показавшим себя «обществом потребления». Впрочем, увлечение Мао и культурной революцией, тогда происходившей в Китае (её подлинный характер никого не интересовал, как и судьба её жертв — китайских интеллигентов), не могло не сойти на нет со временем. Одной из причин явления виделся им отказ СССР и советских коммунистов от революционных лозунгов и курс на поддержку реформистских левых на Западе. В Москве напрасно сетовали потом, что в Западной Европе укоренился еврокоммунизм, то есть произошло отрицание диктатуры пролетариата и других радикальных положений теории.

Португалия, 1974 г. Революция гвоздик свергает проамериканскую диктатуру. Из-за переполненности тюрем оппозиционерами главное делают военные. В том же году в Греции пала диктатура «чёрных полковников». В Испании власть теряют франкисты. Но в более богатых странах иные проблемы.

Успех еврокоммунизма и закрепление левого реформизма в 1970-е годы можно считать своеобразным итогом «революции 1968 года». Народные массы предпочли дальнейший рост уровня жизни химерическим и неубедительным лозунгам молодых максималистов. Конформизм потребителей можно было проклинать, можно было прощать, можно было отказываться признавать, но именно в этом потреблении состоял левый триумф XX в. Когда в 1973–1974 гг. последовало падение неофашистских режимов в Португалии, Греции и Испании, среди левых во всём мире пробудилось ожидание социалистической революции в этих странах. Казалось бы, революции способны подняться выше либеральной демократии, но этого нигде не произошло. Представительная система власти и присоединение к «обществу потребления» — таковы были итоги событий.

Карикатура на образ жизни участников «Фракции Красной армии»

В 1970 г. Джон Леннон записал песню «Герой рабочего класса» (Working Class Hero), в которую вложил максимум своего разочарования. В ФРГ свой ответ на пассивность народных масс дала террористическая организация «Фракция Красной армии» (РАФ, RAF — нем. Rote Armee Fraktion), в Италии на тот же путь попыток разбудить массы встали «Красные бригады», во Франции подобный ответ давал «Гошизм» (фр. gauchisme) — максималистское движение студентов. Все эти радикальные группы критиковали массовые левые партии, даже если они назывались коммунистическими. Хотелось революции, а массы при всяком политическом кризисе поворачивали к реформам и росту достатка.

Драматизм конфликта «авангарда» и широких слоёв трудящихся отлично показан в фильме итальянского режиссёра Элио Петри «Рабочий класс идёт в рай» (1972 г.) или в уже современной французской картине Оливье Ассаяса «Что-то в воздухе» (2012 г.). С другой стороны, проблему заострила комедия Жана Янна «Китайцы в Париже» (1974 г.).

Кадр из фильма «Китайцы в Париже»

В ней было показано, что стало бы с Францией в случае победы аскетичных и антибуржуазных идей маоизма и даже прямого захвата Европы китайскими маоистами. А уж что случилось бы с французской кухней! Скука, примитивность быта и дефицит быстро подняли бы волну массового недовольства. Только вот против «общества потребления» эта волна никак не поднималась. Даже в культуре волна была не социально-революционной.

В молодёжной массовой культуре возникло движение хиппи с культом любви, пацифизмом и отказом следовать консервативным бытовым нормам. Возникла философия неделания, отказа от обычного трудового пути к достатку. Это течение было левым по духу, но не совпадало с линией традиционной левой политики. Не лучше стало, когда в 1973–1982 гг. настал новый большой кризис.

Культурные результаты «революции 1968 г.»: полных наивной надежды хиппи сменяет другая левая субкультура — панки. В мире возросшей безработицы они мрачно смотрят на будущее. Мог ли кто-то ожидать этого в 1968 г.?

В 1965–1975 гг. западный мир бурлил от протестов разной

формы. Считается, что едва ли не кульминацией той «мировой революции» стало восстание парижских студентов весной 1968 г. Их лозунги казались весьма яркими: «Запрещается запрещать!», «Будьте реалистами — требуйте невозможного», «Не торгуйтесь с боссами! Упраздните их!» Особенно забавно звучал лозунг «Экономика ранена — надеюсь, она умрёт!» Его автор наверняка не мог знать, что приближается новый большой экономический кризис и он очень скоро убьёт и прежний формат экономики, и прежние иллюзии борьбы.

«Левый эксперимент» и его последствия

Не распад СССР, а события во Франции в 1980–1983 гг. ознаменовали новый поворот истории левых в странах центра капитализма. Этот поворот определил их современное состояние. Но прежде чем он произошёл, мировая экономика пережила ещё один большой экономический кризис. За сочетание высокой инфляции и застоя его называли стагфляцией, а за сочетание спада и инфляции — слампфляцией. Комментируя эту игру слов, великий французский историк Фернан Бродель указал: назвать — ещё не значит объяснить. А объяснить волны экономических проблем после двух десятилетий процветания было непросто.

Кризис диктовал изменение экономической политики, но общество, политики и партии старой школы сопротивлялись как могли. Уже когда в США и в Англии к власти пришли неоконсерваторы (неолибералы), правые силы нового толка, во Франции левые дали своё крупное сражение кризису и капиталу. Это событие вошло в историю как «левый эксперимент». Ему предшествовало усиление левых настроений во французском обществе. Выступления 1968 г. сыграли здесь немалую роль. Это были реформистские настроения, которые удручали левых максималистов, но это были массовые настроения, и они влияли на страну. На них к власти пришли социалисты.

Президент Франсуа Миттеран слушает товарищей по Социалистической партии Франции и, возможно, думает о необходимости отступить.

Лидер Социалистической партии Франсуа Миттеран был избран президентом Франции в 1981 г. В мае он вступил в должность. Кейнсианская политика в старых промышленных странах к этому времени всюду оказалась в кризисе. Но во Франции политический расклад был таков, что её не только не собирались свёртывать, но и рассчитывали развить до более радикальной стратегии. Этот курс получил название «левого эксперимента». Он состоял в наступлении на бизнес. Миттеран сразу сформировал коалиционный левый кабинет во главе с Пьером Моруа. Минимальная оплата труда была повышена более чем на 40 %, были увеличены пособия по безработице и семейные пособия. Одновременно были расширены полномочия муниципалитетов. Увеличился контроль профсоюзов над предприятиями, а рабочая неделя сократилась до 39 часов. Пенсионный возраст был понижен до 60 лет.

Последовала национализация в промышленности и банковской сфере. В 1982 г. общее количество государственных предприятий перевалило за 3 тысячи, а в пяти перешедших под государственный контроль индустриальных группах работало около 25 % трудоспособных граждан. Эти группы обеспечивали 50 % вложений в экономику и порядка 1/3 валового национального продукта и 1/3 экспорта. В информатике, энергетике, киноиндустрии господствовало государство. 36 коммерческих банков были поставлены под

контроль государства. Под его властью оказались крупнейшие финансовые группы «Париба» и «Сюэз». Это привело к росту доли государства в финансовом и кредитном секторе до 95 %.

Это не ритуальная демонстрация в СССР, это старая Франция.

Казалось бы, идея постепенного социал-демократического наступления на частный капитал и рыночную анархию торжествовала. Казалось бы, брали верх идеи кейнсианского ответа на кризис — усиление регуляции без отмены рынка. Однако вскоре выяснилось, что экономический кризис победить не удаётся и рассчитывать на развитие при такой модели экономики не приходится. Только в 1981 г. Францию покинули 77 млрд франков. Взлетел дефицит бюджета страны, так как отныне все последствия неэффективности экономики падали на него. Доллар дорожал, а франк пришлось девальвировать на 3 % в 1981 г. и на 10 % в 1982 г. Это при том, что пришлось на ряд месяцев заморозить цены на основные продукты и размер заработной платы в стране.

Социалистическая партия Франции оплакивает свои неудачи?

Правительство старалось преодолевать трудности, но государственный сектор не был достаточно эффективным. В 1981–1982 гг. производство во Франции увеличивалось на 2 % ежегодно. В 1983 г. рост понизился до 0,7 %, тогда как безработица достигла 2 млн человек. Уровень жизни понижался, и массы не без основания сетовали на инфляцию. Срочно было создано 200 тысяч новых рабочих мест в государственном секторе, но это не помогло. Вместе с экономическим кризисом нарастал и политический: Миттеран и его окружение всё более задумывались о необходимости отступить. Решение было принято. Последовала новая девальвация франка, но бежавшие ранее капиталы начали возвращаться, и ситуация в экономике начала выправляться. Власти стали постепенно уменьшать долю государственного сектора в экономике.

Моруа пришлось уйти в отставку в 1983 г. из-за несогласия с новым курсом социалистов. Но этот курс дал результаты.

В 1984 г. производство выросло на 1,75 %, а в 1985 г. — на 2 %. Начал улучшаться и торговый баланс Франции. Миттеран продолжил медленное движение вправо, а его партию раздирали разногласия. Но какими бы горячими ни были идейные споры, сколь бы острым ни казался коррупционный кризис в партии (1993 г.), левый курс явно потерпел неудачу. В критической ситуации, применив весьма радикальные решения, левое правительство повернуло на путь неолиберальных реформ. В дальнейшем они коренным образом изменили лицо левых.

Профсоюзная демонстрация во Франции, наши дни

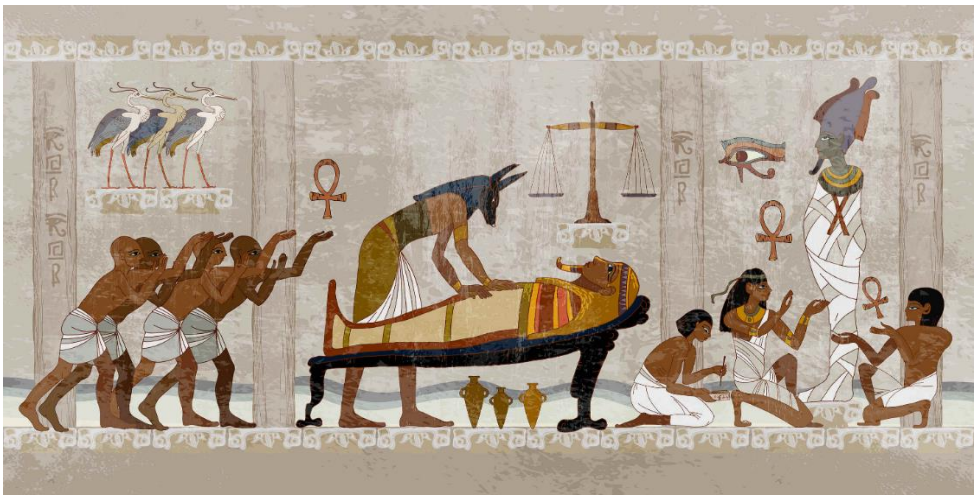
«Левый эксперимент» во Франции показал невозможность дальнейшего движения по пути левых социально-экономических и политических реформ в условиях, сложившихся под влиянием большого кризиса 1973–1982 гг.

Ещё раньше, в момент «революции 1968 г.», выяснилось, что никакой новой революции нет и не может пока быть. Массы трудящихся промышленно развитых европейских стран желали улучшения своего материального положения, но не слома основанной на частной собственности и широком рынке системы. Падение диктатур в Греции, Испании и Португалии подтвердило это, а политические события 1984–2007 гг. в Евросоюзе (при растущей критике глобализации и неолиберальных мер) только ускорили неолиберальную эволюцию левых.

В США левые силы и идеи не были сильны в последней четверти XX в. Но в Западной Европе левые формально были очень влиятельными, другое дело, что они при этом становились всё более формальными левыми. Именно в силу этого возникший в 1990-е годы антиглобализм с его контрсаммитами G7, всемирными и европейскими социальными форумами провозгласил недоверие к партиям. Показав в «левом эксперименте» пределы продвижения, социалисты и коммунисты Франции, входившие в коалицию, должны были заметить, как возросло разочарование в возможностях среди их коллег в других странах Евросоюза. Если комфортная экономическая обстановка 1990-х годов в Европе и Северной Америке не требовала радикальных и шоковых неолиберальных реформ, то ни о каком сдвиге политики влево речь тоже идти не могла.

Бессилие антиглобализма

Разрушение СССР только усилило общее разочарование в левых практиках и теориях на Западе. Последовал распад или быстрая декоммунизация компартий, которые могли сохранить при этом своё историческое название. В некоторых случаях происходила мумификация радикальных партий и групп. Согласно концепции итальянского мыслителя-марксиста Антонио Грамши, это означало искусственное сохранение твёрдо верующими приверженцами политических организаций и идеологии посредством защиты от внешнего мира.

Западные радикальные левые пытаются сохранить самое ценное в структурах и

идеологии древним способом, впервые описанным Антонио Грамши.

Коммунистическая партия Франция, некогда одна из сильнейших в Европе, мутировала, но не изменила названия. Другая прежде мощная политическая сила, Коммунистическая партия Италии, была ликвидирована в 1991 г. Расколы привели к образованию в Испании нескольких компартий. Ориентированные на «реальный социализм» политсилы повсеместно потеряли общественный вес и кадры. Их аппарат старался вписаться в новую политическую повестку, которая сильно сдвинулась вправо.

Левые максималистские группы и партии делали ставку на догматизм и мумификацию. В таком положении оказались многие троцкистские и сталинистские группы. В первом случае констатировалось: перерождение революции и бюрократизация СССР привели (так как не могли не привести) к реставрации капитализма, а рабочий класс будет очень долго приходить в себя. Во втором случае указывалось: крах наступил из-за подлого предательства руководства партии и обман масс ложными идеалами рынка.

Мумификация была единственным решением для тех, кто отказывался признать закономерные причины катастрофы в СССР и левых сил на Западе. Казалось, что только таким образом можно сохранить революционное и реформистское снаряжение до прихода «большой воды», нового массового подъёма. Все, кто не избрал этого пути, постепенно подпадали под влияние новых веяний, каковыми были защита интересов сексуальных, культурных и иных меньшинств (помощь в реализации политики позитивной дискриминации); экология как ключевая проблема современности; продвижение альтернативных капитализму практик в культуре, питании (вегетарианцы и веганы) и потреблении вообще.

Всё это нашло отражение во время антиглобалистского подъёма на Западе. Он развернулся в конце 1990-х годов, когда напор консьюмеризма начал слабеть. Эта философия потребления и личных интересов, основанных на обладании, столкнулась с реальностью: массовая бедность в странах третьего мира, разорение постсоветских экономик, вынос индустрии из стран «развитого капитализма». Но прежде чем это произошло, иллюзии были очень велики. Они имелись не только в странах бывшего Варшавского договора, но и на Западе. В США они выражались в ожидании большого рыночного подъёма. Во многом ожидания эти в 1990-е годы оправдались, и разговоры о «новой экономике» не были столь уж пустыми. Левые идеи были дискредитированы. В Европе положение было не столь однозначным, но дискредитация продолжалась.

Левые партии в большинстве сдвигались вправо, в сторону неолиберализма. Это вызывало разочарование, но и надежду. На такой надежде Энтони Блэр в Англии стал лидером лейбористов, а затем, с 1997 г., и главой правительства. Его идеи «нового лейборизма» и «третьего пути» быстро встретили критику как красиво риторически обставленная сдача рынку позиций общества. Левые лейбористы констатировали, что партия идейно и практически сдвинулась вправо. Бурю возмущения вызвала готовность Блэра поддерживать военное вторжение США в Ирак в 2003 г. Власти Франции и Германии не поддерживали такую политику Вашингтона. Но именно тогда выяснилось, насколько созрело новое левое движение на Западе. На свою беду оно не было похоже на прежнее.

Несогласных становится всё больше, но они не могут структурировать себя и вообще плохо относятся к структурированию и процедурам демцентрализма

С приходом 2000-х годов вскрылись многие противоречия неолиберального порядка в мире. «Свободный рынок» не решил проблем человечества, а «конец истории» с глобальным сотрудничеством на базе всеобщей торговли обернулся установлением американоцентричного порядка. США в его рамках решали свои проблемы с помощью обычных империалистических методов. Они бомбили всех, кого считали необходимым, вторгались в страны, которые сами (без оглядки на ООН) определяли как врагов демократии и прав человека. Всё это не могло не вызвать раздражения в народах, особенно в западных странах, где массы не чувствовали себя удовлетворёнными материально. Проблема масс, а значит и левых сил, состояла в ослаблении промышленного рабочего класса и его профсоюзных структур в силу выноса производства в страны с более дешёвой рабочей силой. Эта политика корпораций и правительств была одним из важнейших предметов критики слева в 2000–2007 гг.

Антиглобализм как воплощение новой левой повестки и практики вырос не на пустом месте. Он вырос на развалинах. Моральные развалины возникли в силу успеха «общества потребления» с одной стороны и краха радикального левого реформизма. Вместе с этим распад СССР и дискредитация идей советского коммунизма создавали особый элемент психологического ландшафта. Вынос из экономик Северной Америки и Западной Европы индустрии в зону периферии и полупериферии мировой системы ослабил традиционные экономические и партийные структуры рабочего класса, который лишь в слабой доле боролся за их сохранение — мумификацию. Зато в большинстве он оказался разочарован в структурах, их бюрократии и её политических играх, хотя сам всё это прежде породил. Предлагалось: «Пусть люди сами на низовом уровне решают, без президиумов и комитетов!» Сетевой принцип выдвигался на место партийного.

Движение антиглобалистов справедливо описывалось как возмущение среднего класса Запада, следствие его обиды и разочарования. Альтерглобалисты — таким было самоназвание этого движения, хотя никакой чёткой альтернативы финансовой глобализации не предлагалось. Это отличало движение всеобщего социального диалога и взаимодействия от социалистов и коммунистов XX в. Возникали такие идеи, как введение налога на финансовые транзакции — налога экономиста Джеймса Тобина (Tobin tax). Для ограничения трансграничной миграции краткосрочного капитала предлагалось введение сбора размером от 1 до 0,1 %. Но если Тобин опасался дестабилизации национальных финансовых систем, то некоторые антиглобалисты видели в его налоге средство решения социальных и экологических проблем во всём мире. Трудность состояла лишь во введении этого налога — сделать такой шаг было некому. Некому во власти было и продвинуть свободное программное обеспечение, освободить корпоративные патенты и ослабить петлю интеллектуальной собственности.

Американская полиция разгоняет протестующих в Сиэтле, 1999 г.

Первая крупномасштабная акция движения произошла в городе Сиэтле (штат Вашингтон). Демонстрантов было так много, что торжественное открытие конференции Всемирной торговой организации (ВТО) было скомкано и почти сорвано. В 2000 г. в Праге прошли столь же массовые акции против саммита Всемирного банка и МВФ. Подобные массовые акции проходили против войн США и их союзников, НАТО, G7 и политики ЕС. Движение включало в себя разнородные элементы: экоактивистов, борцов за мир, синдикалистов, левых

профессоров, феминисток, защитников прав животных, сторонников свободы в интернете и в обмене информацией, троцкистов и различных неомарксистов, тихих анархистов и анархистов из «чёрного блока», славящегося своими погромами и большим числом агентов полиции в его рядах. Сюда следует добавить противников тоталитаризма брендов, детского труда, нового рабства, угнетения «третьего мира» и многих иных «достижений» глобализации.

«Чёрный блок» не упускает возможности действовать, зачастую провоцируя полицию. Не имея строгой структуры, остальные силы не управляют им.

Антиглобализм как движение резко пошёл на спад с началом нового мирового кризиса в 2008 г. В книге «Капитализм кризисов и революций» автор доклада показывает, в силу каких причин это произошло. Началась новая трансформация глобальной экономики и возрождение государства. В преддверии этого поворота одни мумифицированные левые партии обличали бессилие движения ради движения, но без структур и целей (было ли возможно это создать?) другие участвовали в антиглобалистском процессе. Ни то ни другое не дало заметных результатов. С приходом нового большого кризиса антиглобализм начал сходить со сцены. Надежды на перемены устремились к крупнейшим или самым ярким будто бы реформистским левым партиям.

США, Франция и Греция разочаровываются в левых

В 2008 г. процесс экономического роста оборвался. Глобализация попала под удар мирового экономического кризиса, быстро показавшего своё полное превосходство над кризисными ситуациями 1990–1993 и 1998–2002 гг. Кризис болезненно переживался центром мировой системы — Западом. Причём если его экономическая стихия быстро была взята под контроль, то социальные проблемы непрерывно нарастали. Миф о «золотом миллиарде» разрушался: граждане богатейших государств Северной Америки набирали долги, теряли доходы, постоянные и защищённые хорошие рабочие места, а с ними и веру в будущее. Это привело к резкому снижению активности игр в антиглобализм.

Возник запрос на вмешательство старых партий, долгое время пребывавших в состоянии трансформации и сна

левых или формально левых организаций. Любой лидер годился, лишь бы от него можно было ожидать правильных рецептов: защиту от новых неолиберальных мер (в ЕС они исходили от еврократии) и выхода из кризиса. Конечно, годились и правые лидеры, если они могли обеспечить своей стране защиту от финансовых потрясений. Именно по этой причине в ФРГ граждане голосовали за Христианских демократов, хотя и ругали лидера партии Ангелу Меркель, а в Англии – за консерваторов. Но это был запрос на консервацию, а не на радикальные неолиберальные реформы.

«Тоже левые», Барак Обама и Георгиос Папандреу. Президент США смущён тем, что его греческий коллега ещё более циничен в политике?

В США человеком-надеждой вроде бы левого типа оказался представитель Демократической партии Барак Обама. В Греции это был лидер Всегреческого социалистического движения (ПАСОК) Георгиос Папандреу, во Франции эту роль сыграл президент от Социалистической партии Франсуа Олланд. Всюду массы оказались обмануты, вернее, выражали разочарование.

В Греции «социалисты» принялись проводить под нажимом еврокомиссии, ЕЦБ и МВФ политику «жёсткой экономии» — урезания социальных расходов, трудовых и иных прав граждан. Был введён значительный налог на жильё. Даже для безработных появился специальный налог. Он составлял 300 евро в год. Если гражданин имел жильё в собственности, то налог возрастал до 600 и более евро в год по причине подтверждения наличия денег на его содержание. Заработная плата в бюджетной сфере сокращалась, а вакансии ликвидировались. Если в больнице врач уходил на пенсию или переходил на иную работу, нового специалиста на его место уже не искали. В одном из телеинтервью Папандреу заявил: ко мне подошёл рабочий и сказал, что поддерживает наши меры и даже готов ради спасения родины отдать половину заработной платы. Так выходило, будто бы настоящим патриотам ничего не жаль ради победы над финансовым кризисом. После этого заявления глава правительства уже нигде не мог появляться без охраны. А его партию в итоге не спасли от краха даже «демократические» трансляции заседаний кабинета министров и иные трюки.

Уже недовольные французы на акции протеста «день гнева», январь 2014 г.

Социалистическая партия Франции имела устойчивую репутацию самой левой реформистской политической организации на Западе. Ведь именно она решилась на грандиозный «левый эксперимент». Поэтому немногие ожидали, что избрание президентом Франсуа Олланда будет иметь неприятные последствия, пусть кандидат и считался безликим аппаратчиком, поднявшимся на высоту в силу деградации общественной жизни. Зато он считался противником «жёсткой экономии». Свою компанию во власти Олланд начал с дискредитации идеи прогрессивного налога. Ещё в 2011 г. французская экономика перешла от медленного роста к застою. Долг государства возрос до 1,688 трлн евро, что соответствовало 85 % ВВП. В 2012 г. его уровень поднимется до 90 % ВВП (более 1,7 трлн евро), хотя ещё в 2007 году госдолг Франции был равен всего 1,21 трлн евро. Олланд и его команда принялись бороться с бюджетным дефицитом, стараясь удерживать его в границах 3 %, что соответствовало общей в ЕС линии. «Защитник социального государства» и противник непопулярных мер» встал на путь увольнений в бюджетной сфере и урезания трудовых прав.

«Демократический» и «миролюбивый» Барак Обама обрушивает полицию на противников безграничных денежных вливаний в финансовый сектор США

Последовали акции протеста. Но чтобы отсечь всякие обвинения в измене левым

идеалам и прикрыть новые антисоциальные решения, Олланд пошёл на легализацию брака для сексуальных меньшинств, взорвав общество и вместе с этим дискредитируя классический левый взгляд на политику. По сути, этот шаг предопределил поворот избирателей вправо. Однако в Греции разочарование в социалистах толкнуло избирателей дальше влево — к поддержке партии СИРИЗА. Виной тому был острейший социально-экономический кризис. В США первоначально произошло нечто подобное.

Обама оставил от двух сроков своего президентства огромное разочарование в обществе. Экономический кризис вроде бы был побеждён ещё в 2009 г., когда об этом было официально сообщено на весь мир. Но выделение триллионов в помощь финансовым корпорациям и наращивание долга правительства ради выплат частным держателям облигаций правительства раздражало общество. В 2007–2011 гг. в США в среднем ежегодно выселялось из домов за долги порядка миллиона семей. Образование было платным, и студенческий долг сперва перевалил за 1 трлн долларов, а в 2018 г. превысил 1,5 трлн. Проблема состояла в том, что с началом эпохи мирового кризиса хороших (постоянных, согласующихся с уровнем образования, обеспечивающих неплохую оплату и карьерные перспективы) рабочих мест становилось всё меньше. Следовательно, выпускникам колледжей становилось всё труднее покрывать долги.

В 2011 г. в Нью-Йорке развернулась волна массовых акций протеста «Захвати Уолл-стрит» (Occupy Wall Street). Протестующие требовали прекратить вливать деньги в банки и призвать к ответу их владельцев и управляющих за все преступления. «Нас 99 %», — заявлял протест, противопоставляя себя 1 % богатых американцев. Для успокоения общества введения обязательного медицинского страхования, «Обамакер», для всех граждан США (бедным на это выделялась субсидия государства) явно было недостаточно. Расходы здоровых людей на оплату страховок возросли, хотя увеличилась и их защищённость. Но мера была явно компромиссной; интересы страховых компаний были учтены, никакой революции в социальной системе страны не случилось. Этим была подведена черта под периодом больших ожиданий от партии демократов.

Берни Сандерс обещает не отступать, не сдаваться и не предавать, а дать американскому народу социализм — социальное государство в Европе

В 2016 г. миллионы американцев поддержали участие сенатора-социалиста Берни Сандерса в праймериз — отборе кандидата от Демократической партии на должность президента. Его выдвижение вызвало волну энтузиазма, тем более что пожилой сенатор был единственным явным левым в законодательном корпусе США. Он десятилетиями доказывал: нужны социальные реформы по умеренному европейскому социал-демократическому образцу, способные дать бесплатную медицину и образование каждому. За это в прессе его называли левым радикалом и даже коммунистом. Кризис сделал возможным его успех, но десятилетия неолиберализма сделали невозможной такую организацию левых сил, что продавила бы Сандерса в партии и провела бы его в президенты.

Сандерс впервые сдал свои позиции в 2016 г. Он поддался нажиму аппарата Демпартии. В тот год на съезде партии в Филадельфии «дедушка Берни» одобрил выдвижение своей бывшей соперницы, «кандидата финансистов» Хиллари Клинтон. В 2020 г. он вновь уступил кандидату Уолл-стрит и аппарата демократов Джо Байдену, вновь разочаровав всех, кто ожидал развёртывания левой избирательной кампании, а в конечном итоге левого поворота в государственной политике США. При этом сами сторонники левого

поворота в США не смогли организоваться в самостоятельную силу. Они утратили такую способность в процессе деиндустриализации, сильно изменившей общество.

В США, Франции и Греции политические фигуры и силы, считающиеся левыми, показали свою способность манипулировать общественным мнением. Они работали с ожиданиями и умеренностью своих сторонников, но вместо самых умеренных социальных реформ предавали, проводили или одобряли меры неолиберального типа. Но в череде измен была одна, более всего повлиявшая на политические процессы в Европе. Её совершил Алексис Ципрас.

На службе неолиберальной реакции?

Ни антиглобалистское движение, ни радикальные левые, сохранившие идеи, а с ними в высушенном виде свои структуры и внутренние практики, не смогли пробудить общество. Одним не помогла их умеренность и креативность, другим — резкость критики и радикализм лозунгов. Общество не почувствовало в их рецептах спасительных мер. Формально левые партии предавали его в годы глобального кризиса. Но именно они и были готовы внушать надежду.

В Греции спустя много лет кризиса и «жёсткой экономии» избиратели оказали поддержку партии СИРИЗА. Её успех стал результатом фиаско другой «левой» силы, партии ПАСОК. Её правительство слепо выполняло антисоциальные рецепты «тройки» (ЕЦБ, еврокомиссии и МВФ), что морально уничтожило эту некогда влиятельную системную силу в глазах избирателей и собственных членов. Последние подались в СИРИЗУ, пополнив её аппарат циниками и идейными коррупционерами. Вся Европа следила за тем, как СИРИЗА будет действовать во власти. Традиционные радикальные левые, такие как греческие коммунисты (КПГ) или менее крупные организации и коалиции, раздражали большинство избирателей нежеланием действовать в формате «буржуазного государства», ЕС и действующей конституции. Они пугали не столько резкостью лозунгов, сколько сомнительностью материальных выгод и вероятностью потерь для массы мелких собственников.

СИРИЗА вела себя с избирателем обходительно. Оставаясь символически левой, она предлагала разрешение кризиса в формате переговоров с высшей бюрократией ЕС. Вся Европа следила за развитием событий, а иностранные прогрессивные профессоры писали статьи в поддержку левого поворота Греции. При общем для Испании и Греции 25%-ном уровне безработицы на Пиренеях не могли не осознавать: возникшая в 2014 г. испанская левая партия «Подéмос» («Можем!» — исп. Podemos) могла рассчитывать при удаче греческого опыта на приход к власти. Левые во Франции, Германии и других странах еврозоны, если только они не принадлежали к категории явных леволибералов и не были дискредитированы прежней работой во власти, могли рассчитывать на успех.

«Мы выдвигаем всё то, что объединяет левые политические силы», — заявил Алексис Алаванос, передавая лидерство в партии СИРИЗА Алексису Ципрасу. Тот ездил на мотоцикле, хорошо говорил и выглядит очень модно.

СИРИЗА пришла к власти в январе 2015 г. Последовавшие переговоры с «тройкой» показали: никаких уступок ожидать не стоит, а «жёсткая экономия» не может быть свёрнута. Экономист Янис Варуфакис покинул пост министра финансов страны, а Ципрас решился на референдум. Летом избиратели сказали нет

требованиям ЕС, МВФ и лично Ангеле Меркель. В ответ «тройка» при участии Германии поставила Ципрасу ещё более жёсткие условия выделения кредитов. И Ципрас капитулировал — принял максимальные по жёсткости требования. Греки переживали эту ситуацию в режиме финансовой блокады: снять с банковских карт более 50 евро было невозможно, и даже после капитуляции Ципраса долго сохранялись ограничения на онлайн-покупки и переводы денег за рубеж. Страх, что возврат к драхме и разрыв с ЕС приведёт к невиданной бедности, определил моральную капитуляцию народа.

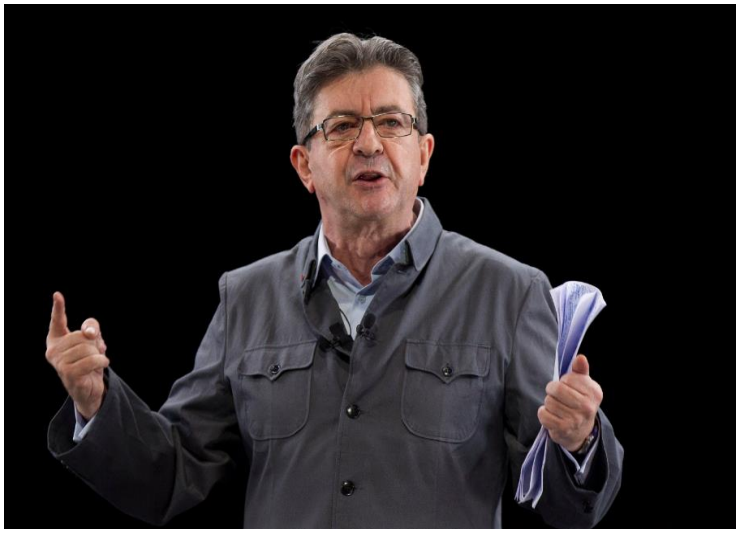
Приняв максимальные по жёсткости требования «тройки» и поставив Грецию в ещё больший режим «жёсткой экономии», Ципрас заявил: «Мы победили!» Его не смутило, что еврократия буквально растоптала надежду на то, что, опираясь на демократическое большинство, можно договариваться в ЕС о чём угодно. В свою очередь, еврократия и власти ФРГ показали малым нациям и умеренным левым или риторически левым силам невозможность никакого компромисса. Это почувствовали и греки — общество было сломлено, СИРИЗА раскололась. Но раскол не пошёл на пользу тем, кто критиковал лидера партии слева. На выборах в сентябре 2015 г. СИРИЗА во главе с Ципрасом одержала победу, а её честные и справедливые критики не прошли в парламент.

С этого момента мягкий, демократический путь, путь якобы возможного переубеждения неолиберальной бюрократии ЕС, стал очевидно нереальным. Это отразилось на позициях левых и условно левых во многих странах ЕС. В Испании «Подемос» в 2015–2020 гг. так и не пришла к власти. Во Франции в 2017 г. во время президентских выборов тоже было продемонстрировано, что никакого левого умеренно-реформистского выхода из социального кризиса не существует. Представитель «Левой партии» Жан-Люк Меланшон получил на выборах четвёртое место среди кандидатов при 19,58 % голосов. Хотя это показало, как велико влияние левых идей и как сильны левые настроения во Франции, это демонстрировало и неизменность кризиса левых.

Демонстрация «Подемос», символика выдержана в отнятом у испанского флага после падения второй Испанской республики (1939 г.) фиолетовом цвете, что должно подчёркивать левореспубликанскую традицию партии.

Во время избирательной кампании 2007 г. Меланшон мог удивлять публику техническими трюками на митингах (трансляция его изображения в 3D), мог надевать френч Мао Цзэдуна, подчёркивая свою решимость в политике, но обличать политику еврократии и угрозу правых для Франции не снимало проблему. Слева и из лагеря национал-консерваторов его обвиняли в скрытой игре за Эммануэля Макрона, так как лишь он и глава «Национального фронта» Марин Ле Пен были настроены радикально против ЕС. А Меланшон во втором туре призвал не голосовать за Ле Пен. Он заявил: «Моя позиция однозначна. Я не буду голосовать за "Национальный фронт", я сражаюсь с "Национальным фронтом". И я обращаюсь ко всем, кто меня сейчас слышит: не совершайте ужасную ошибку, не отдавайте свой голос за "Национальный фронт", иначе страна погрузится в волнения, которым не будет конца». Эти волнения пришли позднее в виде непартийного движения «жёлтых жилетов».

Меланшон во френче Мао Цзэдуна старается подчеркнуть свою решимость и ортодоксальность перед избирателями.

В 2017 г., накануне второго тура президентских выборов, Меланшон заявил: «Через месяц мы избавимся от политики Олланда, потому что этот человек не способен управлять страной». Впрочем, было очевидно, что громкие фразы не могут заменить отсутствие убедительных и реалистичных рецептов для политики и экономики Франции. Тем более что это именно Франция за несколько десятилетий до этого показала границы даже самого смелого левого реформизма. Размер государства был недостаточно велик, чтобы в современных условиях поймать капитал в пространственную ловушку: навязать ему правила игры в экономике и при этом обеспечить устойчивость её развития.

С одной стороны этот французский опыт, с другой — позорная капитуляция правительства партии СИРИЗА перед еврократией, а значит и перед финансовой элитой Европы, показывали проблему с реальной политикой левого типа, исходящей при этом вроде бы от левой политической силы.

Париж, 2019 г. «Жёлтые жилеты» против Макрона. Демонстрируют ещё большее недоверие к партиям в обществе, чем было прежде. Костёр нужен для выгорания слезоточивого газа, распыляемого полицией.

Однако главной проблемой являлось само общество, на которое декларативные левые и ориентировались. Выражаясь библейским языком, не только греки и испанцы, но и сравнительно зажиточные французы не хотели идти «через пустыню». Отказ от евро и возврат к франку, песо, драхме или другой прежней валюте не воспринимался как решение, возвращающее экономику в состояние 1990-х гг. Большинство обоснованно ожидало падения уровня жизни. Конфликт с бюрократией ЕС был слишком очевиден при таком сценарии, когда была бы предпринята попытка возврата к относительно самостоятельному развитию. Экономика пережила бы ломку и в силу во многом утраченных внешних рынков и многих производств.

Поэтому в Англии полевевшие лейбористы во главе с Дереми Корбином в критический момент референдума по членству страны в ЕС (2016 г.) колебались. Они и обличали ЕС, и предупреждали о тяготах разрыва. Зато партия консерваторов была более категорична. Это во многом предопределило формирование ею нового правительства Соединённого Королевства, которое и должно было обеспечить развод с ЕС. При такой робости в плане конкретных судьбоносных для государства решений лейбористы не могли рассчитывать на полное доверие к своему красивому плану, предлагавшему стране вернуться к регулированию в экономике, улучшить инфраструктуру и жилищные условия трудящихся, расширить их социальную поддержку и создать новые рабочие места.

Для предлагаемых лейбористами перемен в Британии нужно было в первую очередь добиться снижения издержек в местном воспроизводстве. Сделать страну менее дорогой во всех смыслах могла бы девальвация фунта стерлингов, но её не могли желать средние слои общества, многие представители которых работали в сфере услуг или финансового управления. Наконец, проблемой являлись рынки: где они могли бы открыться для британских товаров, случись в Соединённом Королевстве реиндустриализация по левой программе? Но дела у сменявших друг друга консервативных кабинетов шли не очень хорошо ни во внешней политике, ни в экономике, ни в плане противодействия пандемии, и это оставляло лейбористам возможность остро

критиковать правых. В этом смысле они находились в хорошей позиции, чего никак нельзя сказать о многих иных западных левых. Впрочем, никто не осознавал перспективы.

Череда неудачных, циничных и вероломных действий, включая повторную капитуляцию Сандерса, в 2008–2020 гг. показала, сколь мало экономический кризис повлиял на состояние западных левых. Большинство из них в той или иной форме оказалось на службе западной финансовой элиты, а общество было бессильно (что лишний раз показала бесплодность «жёлтых жилетов») из самого себя в наиболее развитых странах капитализма, как принято было всегда считать, сформировать нечто новое или оживить мумифицированные формы максималистских левых. «Полевение» настроений на Западе не перешло в левый политический поворот и не позволило решить ни одной крупной социальной или экономической проблемы. «Партия» антиглобалистов осталась ничем. А поиск ответов в марксизме образца XX в. не породил понимания ситуации.

Заключение с надеждой на вывод

Глобальный кризис 2008–2020 гг. не привёл к возрождению левых на Западе. Но основатель миросистемного анализа Иммануил Валлерстайн был прав, когда утверждал, что «после наблюдавшегося последние десять лет сдвига вправо маятник качнулся в другую сторону». Общественная повестка повсеместно сдвигалась влево. Однако мир не был бы сложной системой, если бы всё в нём могло происходить равномерно или рост социально-экономических проблем на Западе автоматически возродил бы неких правильных левых. Само общество там изменилось в XX в. так сильно, что повторить старые рецепты не выходило.

Напротив, в Китае власти провели пенсионную реформу, увеличив доступность пенсий и число пенсионеров. В России тоже начались социальные реформы, что показали события 2020 г. Эти сдвиги организовывались высшей бюрократией и в общественной реальности, сильно отличающейся от западной, тогда как в старых центрах глобального капитализма наблюдалась пробуксовка процессов и даже регресс. Манипуляции как бы левых политиков и ангажированность вроде бы народнических организаций неизменно перечёркивали ожидания «низов».

Постиндустриальная молодёжь западных мегаполисов, хипстеры — хиппи и панки, переработанные десятилетиями работы в офисах, сервисах и торговле. Влюбленные в своё «я» и гаджеты, способны ли они дать новых левых?

Несмотря на долгие годы экономической нестабильности, положение граждан в странах Запада не было столь уж катастрофическим. Существовала проблема трудоустройства образованной молодёжи (рабочие места под низкий уровень образования имелись), относительная дороговизна рабочей силы в сравнении с новыми индустриальными странами вела к распространению частичной занятости. Центральные банки, ФРС, ЕЦБ, Банк Англии и другие работали на обеспечение финансовой стабильности и на высокий курс валюты, избегая девальваций. С точки зрения цены бумаг, предприятий, недвижимости это было весьма рационально. Производство было дорогим.

Высокой оказывалась и стоимость жизнь в таких странах, а относительно большая заработная плата не позволяла получить намного меньший уровень комфорта, чем на половину или треть такой суммы было возможно в «развивающихся экономиках».

Те, кто делал ставку на радикальность революционного класса, обнаруживали, что его не существует. Усилия по мумификации идей и структур оказывались напрасными. Массы, как было показано в докладе Института нового общества «Общество без оппозиции», выражали желание не рисковать и сохранять существующий порядок, лишь изменив его. Но и тут не наблюдалось твёрдой решимости.

В этой ситуации условно левые силы не только обманывали массы или себя самих, строя иллюзии по поводу лёгкости социально-экономических реформ на Западе (особенно в США), но и могли находиться в относительно тепличных условиях. В богатых странах еврозоны неолиберальный нажим не был сильным. Особенно примечательна ситуация Германии: христианские демократы во главе с Меркель как правая сила продавливали «жёсткую экономию» всюду в ЕС, но не посягали на социальные траты и практики в своём государстве. Так, государство доплачивало к доходам немцев необходимую для аренды жилья сумму, которая могла составлять и 1000 евро в месяц. Поэтому Левая партия в Германии могла заниматься частностями.

«Счастливые левые» — так иногда называли Левую партию ФРГ (нем. Die Linke; Linkspartei) прожившие в стрессовой обстановке левые других стран Запада. Партия занималась муниципальными вопросами, защитой прав меньшинств, мигрантов и иными социальными темами, стараясь не слишком критиковать Меркель и не предлагая Германии радикальных реформ во внутреннем и внешнем курсе. Имея разные платформы, эта партия удерживала и неплохие проценты на выборах, пока Германию не накрыл миграционный кризис. Если на выборах в бундестаг 2009 г. партия имела 11,9 %, то в 2017 г. она получила лишь 9,2 %. Против политики бездумного приёма переселенцев выступила самая яркая фигура в партии — Сара Вагенкнехт, что не согласовывалось с линией Левой партии. С 2014 г. Вагенкнехт обличала «постмайданную» власть на Украине, заявляя, что «в правительстве Киева … ключевые посты заняты нацистами». Это при том, что структуры Левой партии не брезговали работать с «промайданными» левыми Украины, а «умеренное крыло» пыталось осудить российскую «аннексию Крыма». В 2017 г. на съезде в Ганновере предложение было провалено: большинство делегатов не поддержало предложения осудить «противоречащую международному праву аннексию Крыма Россией» и войну на востоке Украины, возложив вину на неё на Москву. Вагенкнехт заявила, что в отношениях с Россией следует вернуться к традициям «политики разрядки».

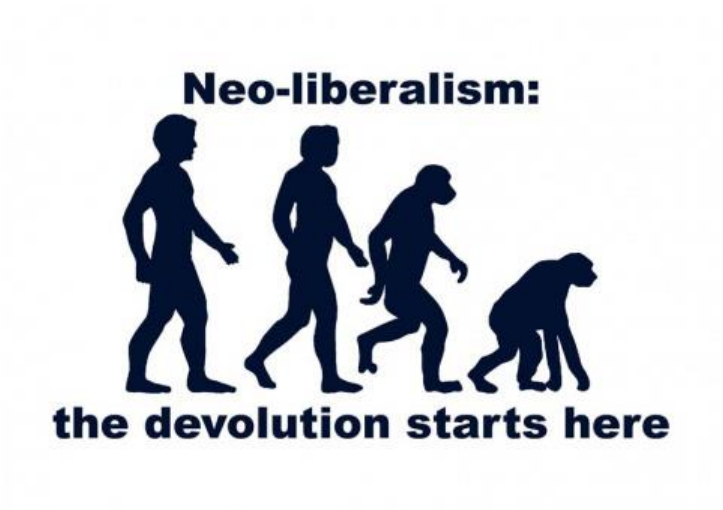

Сара Вагенкнехт, самая яркая фигура Левой партии, выдавленная из неё за искренность, самостоятельность, антилиберализм и симпатии к России.

Трезвый взгляд Вагенкнехт на политику и стремление проводить её только в интересах немецкого общества обернулся конфликтом с руководством партии. Вся эта ситуация показывала траекторию, по которой развивались отношения у левых в минимально страдающих от кризиса западных государствах. А ФРГ страдала минимально, почти неизменно относясь к «зелёной зоне» экономики ЕС. В 2018-м Вагенкнехт пришлось создать новое политическое движение «Вставайте» (нем. Aufstehen), собрав здоровые кадры активистов, далёкие от коррумпированного руководства всех именующих себя левыми структур. Цель состояла в замене разложившихся и циничных политиков во всех формально левых структурах новыми

людьми. На Вагенкнехт было оказано сильнейшее давление, и в 2019 г. она покинула пост председателя фракции Левой партии в бундестаге и должность руководителя движения. Во время съезда партии на неё обрушилась беспрецедентная по ярости и организованности критика.

В верхнем эшелоне формально левых структур ФРГ «проблемы со здоровьем» Вагенкнехт, новость о её «выгорании» от работы восприняли с ликованием. Функционеры Левой партии, социал-демократов (СДПГ) и Партии зелёных были очень резки в комментариях. Вагенкнехт обвиняли в предательстве своих сторонников, в непоследовательности и дешёвом популизме. Журналист Тим Херден так описал начало этой атаки: «Трибунал для Вагенкнехт, устроенный на последнем съезде партии в Лейпциге в прошлом году, потрясает меня до сегодняшнего дня. Функционеры партии публично пригвоздили её к позорному столбу из-за критики миграционной политики. Долг журналиста — освещать события, но меня не покидало чувство стыда за других людей, за то, как партия обращается со своим руководителем, и за то, что руководство партии такое допускает». Газета Münchner Merkur процитировала по этому случаю инсайдера: «То, как партия обращалась с Вагенкнехт, было недостойным зрелищем, этот моббинг не мог не отразиться на её здоровье».

Неолиберализм: деэволюция начинается здесь. Это касается не только разума индивидов, левых структур, но и способности западных государств выйти из современного экономического кризиса, обрести под нажимом общества новый рост и открыть новую эпоху материального процветания.

Чем важна эта история? Вагенкнехт невольно поставила в ЕС не политический, а социально-психологический эксперимент. Он показал, что даже «счастливые левые» наиболее богатых и благополучных стран еврозоны, где можно ещё играть в реформизм и подпитывать надежды на сохранение материальных достижений прошлого, являют собой тот же исторический продукт, что и СИРИЗА или французские социалисты. Во всей красе предстала и другая беда: креативные и прогрессивные молодые левые, будто бы критически смотрящие на мир и грезящие о его улучшении, установлении в нём более справедливых отношений, не поддержали Вагенкнехт должным образом. Не было массовых демонстраций в её поддержку, не возникли новые комитеты, клубы или иные структуры. Масса осталась в плену леволиберальных дискурсов, не пожелав следовать на путь реальной политики с трезвым видением процессов, которое давала Вагенкнехт. В этом, вероятно, и состоял её главный надлом.

Проявилась в этой ситуации и иная общая для западных формально левых организаций проблема — отрицательный отбор. В случае мумифицированных максималистских структур он предполагал, что кадры должны принимать все догматы без сомнений и на этой основе подчиняться дисциплине. У, казалось бы, более живых, больше связанных с «буржуазной политикой» и как будто бы реформистских левых всё должно быть иначе. Однако здесь в неолиберальную эпоху установились свои догматы — дискурсы и нормы понимания свобод и прав человека, а также демократии. Они ставили на первое место не интересы большинства, а проблемы меньшинств. Вагенкнехт посягнула на эти столпы, стараясь реализовать свой проект, и обнаружила невозможность сделать это.

Границы возможности для левых на Западе стали намного уже со времён «левого эксперимента» во Франции. Общество во многом утратило прежний напор, ощущение структур и горизонтальной спайки. Левый либерализм лишь отразил это состояние, сам он стал формой управления «низами» в интересах финансовой

элиты. Потому 2008–2020 гг. обернулись целым парадом измен лидеров и партий своим сторонникам. Попытки честных реформ проваливались, и этого нельзя было избежать, поскольку проблема коренилась в самом западном социуме. А его пороки были результатом успеха финансиализации экономики или усиления сферы услуг. В итоге левым так и не удалось запустить механизмы реформ (даже создав нажим на «верхи»), которые, как случалось прежде, позволили бы преодолеть пороки экономической системы Запада.

Поворот, наметившийся во второй половине эпохи мирового кризиса 2008–2020 гг., был левым (социальным и регулятивным в экономике), но он был также консервативным. Левые же не смогли на Западе стать консервативными, а не либеральными и не догматически отрешёнными от реальности. Общество оказалось в ловушке, что было и причиной, и следствием развития болезни западных левых. Но была ли это болезнь или своеобразная, жестоко диктуемая самой историей эволюция? Этот вопрос и оставляет надежду на вывод. Может быть, ещё сохраняется надежда на выход западных левых из современного состояния. Но это потребует немало времени, не менее десяти лет. Экономика старых центров капитализма при этом останется во многом зажатой в старой эпохе, если только перемены откуда-нибудь извне не придут.

Кризис приближается к окончанию. Готовится новая эпоха — длинная волна экономического развития, внедрения робототехники, развития транспорта, биологических и иных технологий. Эти перемены изменят мир. Изменят они и западное общество, в той мере, в какой оно сможет принять участие в новом длинном экономическом цикле. Однако западные левые не помогли прогрессу и даже почти ничего не поняли в происходящем.

2050 СОНАР

Союз · Россия · Беларусь · Фабрика смыслов · Нарратив · Кооперация · Интеграция · Политэкономия · Идентичность · Будущее · Прогноз · Анализ · Обороноспособность · Наука и техника · Промышленность · Культура · Точки роста

«Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза "Союзный нарратив 2050"»

Российская Федерация, 143180, Московская область, г. Звенигород, мкр. Пронина, д. 2, офис 12

Директор — Боков Василий Сергеевич. Тел.: 8-916-120-07-08. E-mail: vb@sonar2050.org

Шеф-редактор — Уралов Семён Сергеевич. Тел.: 8-916-215-72-02. E-mail: uralov@sonar2050.org

Глава аналитического бюро — Лизан Иван Юрьевич. Тел.: 8-999-714-12-40. E-mail: lizan@sonar2050.org